

Мазур Курт

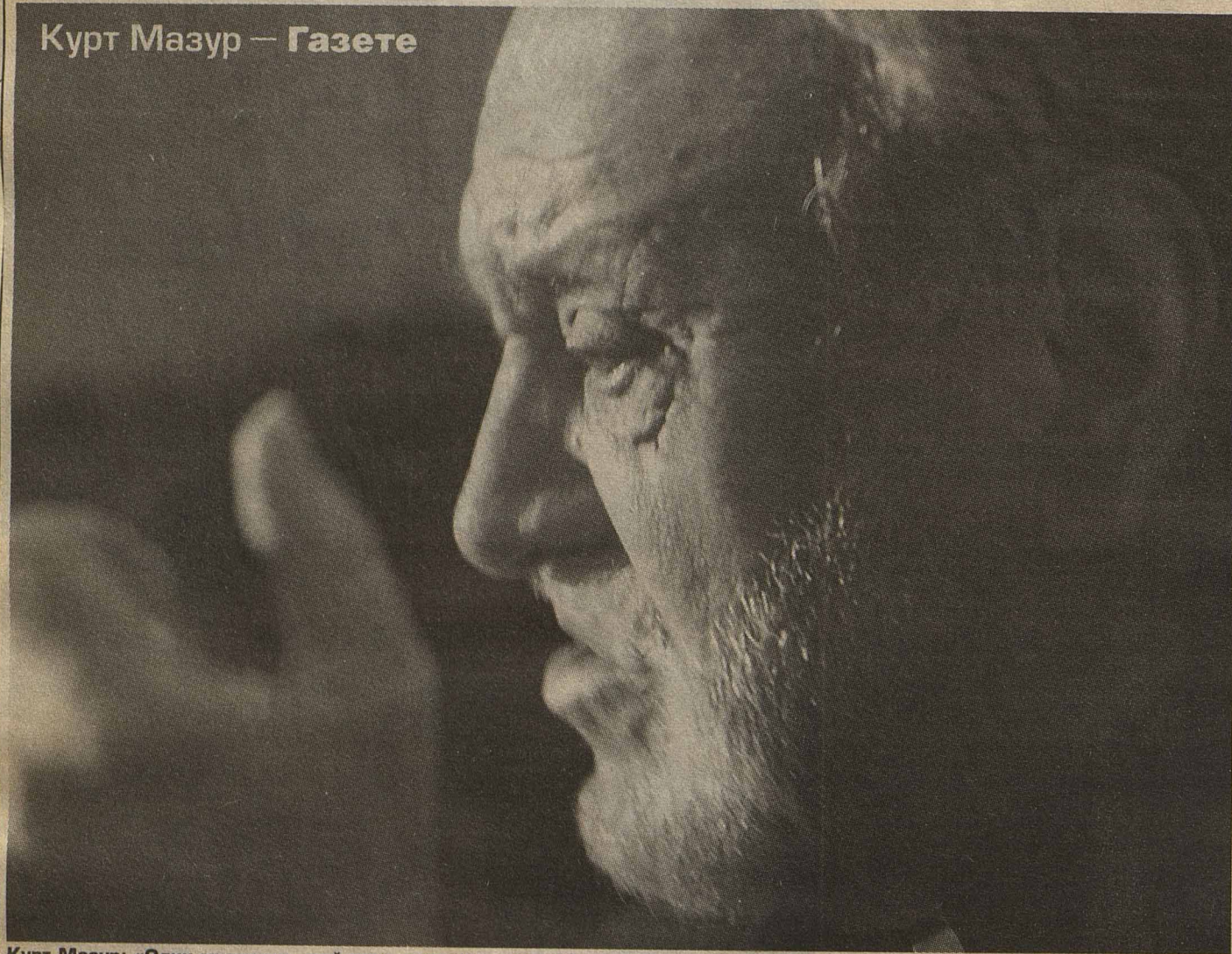
2.06.03

ВИЗИТ

Газета - 2003 - 2 июня с 14.

“в детстве я был ужасно стеснительным”

Курт Мазур — Газете

Курт Мазур: «Один музыкант, мой друг, упрекнул меня в том, что я всегда улыбаюсь, даже тогда, когда оркестр играет не так уж здорово» Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

В Москве с единственным концертом выступил легендарный дирижер, чье имя у российской публики прочно ассоциируется со знаменитым оркестром Gewandhaus, — Курт Мазур. В Москву великий маэстро приехал с Национальным оркестром Франции, который он возглавляет с сентября 2002 года. С Куртом Мазуром встретился корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

С какими чувствами вы возвратились в Москву после долгого перерыва? Я несколько раз бывал в Москве. Первый раз — сорок пять лет назад — я дирижировал Госоркестром, потом был оркестр Филармонии, потом оркестр Гостелерадио. Это прекрасные чувства и прекрасные воспоминания, поскольку, когда я впервые побывал в Москве, искусство было на высочайшем уровне: Большой театр тогда блистал. Каждый раз, когда я приезжал сюда дирижировать, я слушал огромное количество кон-

цертов и спектаклей в Большом. Кстати, с Лизой Леонской (пианистка в этот момент вошла в комнату. — Газета) я познакомился тоже именно в Москве. Мы уже много играли с разными оркестрами по всему миру, и она растет на глазах и все чаще мне напоминает о моей работе со Святославом Рихтером, с которым мне приходилось играть довольно часто.

Сейчас вы приехали с Французским национальным оркестром, с которым рабо-

таете совсем недавно, и привезли по большей части французскую музыку — считаете, что французам лучше всего удаются французы?

Чепуха! Мой первый концерт здесь с Госоркестром включал в свою программу «Море» Дебюсси — зачем бы я делал это с русским оркестром, если бы думал так, как вы предложили. К тому же, если быть точным, то в этот раз я играю с французским оркестром Прокофьева. И это русская музыка. Хотя Прокофьев многое взял от французских импрессионистов. Да и Франк, будучи бельгийцем по крови, очень много взял из немецкой музыки.

Если же говорить более серьезно, то, конечно, у каждого оркестра есть свои особенности, свой характер, но дело здесь не столько в национальности, сколько в окружающих обстоятельствах. Я предпочитаю не диктовать свои условия, а вдохновляться совместной работой. Мне повезло — в последние десятилетия моей жизни я работал с оркестрами, где я чувствовал себя другом. Сначала это были двадцать шесть лет работы с «Гевандхаусом» — оркестром с колоссальными традициями (Мендельсон, Брамс, Малер, Никиш и так далее), который точно знал, что ему надо исполнять. Но и ту атмосферу дружбы, тот контакт с музыкантами, который сложился у меня с музыкантами New York Philharmonic, я могу сравнить с раем.

Как вы находите качество французского оркестра после «Гевандхауса» и Нью-Йоркского филармонического? Прекрасно — это молодой оркестр с прекрасными музыкантами и большими амбициями, в хорошем смысле этого слова. Абсолютно лишенный традиционного французского легкомыслия во всем, что касается работы.

Некогда вы сотрудничали с таким знаменитым оперным режиссером, как Вальтер Фельзенштейн. Удастся ли сейчас найти время для оперных постановок? Только в студии звукозаписи или в концертном исполнении.

Как вы относитесь к так называемым аутентистам, особенно к тем, кто играет классические или романтические симфонии?

С улыбкой на устах. Если кто-то думает, что, только взяв в руки «правильный» инструмент, можно выразить духовное содержание музыки, он ошибается. Таким образом, оказывается, только три или четыре ансамбля в мире имеют монополию на подлинного Баха. А про Баха никто никогда не спрашивает. Мне кажется оши-

бочным мнение, что только потому, что во времена Баха эту музыку играли маленькими оркестрами, то сейчас только так и можно. Во времена Баха клавикорды стояли в углу каждого приличного дома, и, конечно, на них играли все, но ведь был еще и орган, который Бах очень любил, — и это был симфонический оркестр того времени. И органом можно заглушить целый оркестр. Правда лежит в духе музыки и в понимании того, что стоит за текстом. И аутентичность для меня означает лишь то, что если я дирижирую произведением, которым я дирижировал множество раз, то я еще раз пристально вчитываюсь в текст. Сейчас я внимательно изучаю четвертое издание симфоний Бетховена и не устаю от этого.

Но я, например, в один из своих приездов в Москву, в 1956 году, познакомился с оркестровкой «Картинок с выставки», сделанной Горчаковым по оригинальному клавиру Мусоргского, и после этого я играю только эту оркестровую версию, потому, что мне она кажется более «аутентичной». Я здесь с французским оркестром и по идее должен был бы отдавать свои предпочтения известной оркестровке «Картинок» Равеля, но я все равно и Французским национальным буду играть Горчакова. (Смеется.)

Кто из великих маэстро прошлого произвел на вас самое большое впечатление?

Бруно Вальтер, особенно когда он был молодым. Из-за человечности его трактовок, скромности и глубины понимания музыкального текста.

В свое время вы признались, что в молодые годы были страшно застенчивым и смущались, если приходилось быть среди большого количества людей. Как при этом вы смогли стать дирижером?

Это правда. В детстве я был очень стеснительным, но я много работал над собой и постепенно становился все более и более сильным. Но я никогда не диктовал, никогда не учил оркестрантов тому, как они должны играть. Один музыкант, бывший моим другом, однажды даже упрекнул меня в том, что я всегда улыбаюсь, даже тогда, когда оркестр играет не так уж здорово, и попросил в следующий раз давать понять им мое отношение. Это меня очень ободрило, и постепенно моя застенчивость исчезла — сейчас вы же не очень верите, что я был таким в детстве?

Нет.

Вот и замечательно.